

Книги Владимира Корна
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

АРТУА. ЗОЛОТО ВАЙХОВ

АРТУА. ЗВЕЗДА ГОРНА

АРТУА. УЧЕНИК УЧЕНИКА

АРТУА. БЕРЕГ СКАРДАРА

АРТУА. ДВОРЕЦ ДЛЯ ЛЮБИМОЙ

ДАРИУС ДОРВАН. НАЕМНИК

ВОСЕМНАДЦАТЬ КАПСУЛ КРАСНОГО ЦВЕТА

ОТРЯД СМЕРТНИКОВ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР КОРН

ОТРЯД
СМЕРТНИКОВ

РОМАН

Москва, 2016
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К67

Серия основана в 1992 году
Выпуск 986

Художник
В. Федоров

Корн В.
К67 Отряд смертников: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 313 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2152-7

«Глеб, скажу тебе честно: две ходившие туда экспедиции пропали бесследно. И еще, ты уж меня прости — я ведь практически на смерть тебя посылаю».

И он собрал лучших. Лучших из тех, кто умудрился выжить после глобальной катастрофы, которая откинула жалкие остатки человечества едва ли не в каменный век. Ведь от его успеха зависит так много. Да что там — практически все.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Владимир Корн, 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2152-7

ПРОЛОГ

— Как себя чувствуешь, Глеб?

— Спасибо, Евдокия Петровна, просто замечательно! — И Чужинов от избытка чувств, подхватив Старовойтову правой рукой, закружил ее в воздухе.

Впрочем, до «замечательного» состояния было еще далеко. Об этом сразу напомнила боль в боку — память о недавнем ранении. Ну а левую руку Глеб, поднимая свою спасительницу, даже задействовать не стал, опасаясь, что та его подведет. Впрочем, какие это мелочи в сравнении с тем, что смогла сделать эта женщина! Она добилась главного: ему теперь не нужны эти проклятые капсулы. И с недавних пор не надо просыпаться по утрам с одной-единственной мыслью — сколько капсул у него осталось, а следовательно, сколько дней осталось жить. Сегодня они ему не понадобятся, и завтра, и через неделю, и через год, два, три — никогда.

Правда, на долгий срок загадывать не стоит: заполонившие планету твари никуда не делись, и многие из них несут в своей крови то, отчего, как Чужинов считал до последнего времени, спасения нет. Есть только отсрочка — проклятые желатиновые капсулы красного цвета, каждая из которых означает еще один день жизни. Но теперь благодаря этой женщине, Евдокии Петровне Старовойтовой, по-девичьи стройной, несмотря на возраст, все позади. Оставалось только пожаловаться на скуку. Глеб благодаря ей даже «Евгения Онегина» перечитал — библиотека здесь на удивление хороша.

...Ужель та самая Татьяна,
Которой он наедине,
В начале нашего романа,
В глухой, далекой стороне,
В благом пылу нравоученья,
Читал когда-то наставленья...

Библиотека конечно же из бумажных книг: электричество во Фрязине, впрочем, как и во всем остальном мире, полностью отсутствует.

— Отпусти меня, Глеб, голова кружится, — попросила Старовойтова, и Чужинов послушно поставил ее на землю.

— Евдокия Петровна... — Он замаялся: и вопрос шкурный, да еще имя ее...

Старовойтова выглядела так, как всегда представлялись ему аристократки: внешность, манера держать себя, смотреть, слушать, говорить... К тому же она ученый-иммунолог с мировым именем. А тут — Евдокия, уменьшительно-ласкательно так вообще Дуся получается.

— Слушаю тебя, Глеб, — сразу же посерьезнела женщина.

— Евдокия Петровна... Наверное, дорого я вам обошелся... лечение и все остальное? — задал он наконец тот вопрос, который его мучил.

Деньги, благородные металлы, драгоценные камни — все это давно уже было не в ходу: поди попробуй обменять пригоршню ювелирных изделий на мешок картошки. Если сразу не пошлют куда Макар телят не гонял, то объяснят, что картошку вырастить надо, весной — в самую голодную пору — ту, что оставлена для посева, не съесть. Все лето ухаживать за ней и стараться при этом, чтобы твари тебя самого не сожрали. Натуральный обмен, услуги, расписки, лекарства, особенно антибиотики, — вот что сейчас ценилось. Казалось бы, что особенного в клочке бумаги, на котором написано: я, имярек, обязуюсь или согласен на то-то и то-то, а внизу лишь число и подпись? А ты нарушь соглашение... и что тебя ждет дальше? Выбор невелик: либо податься к бандитам, либо пытаться выжить в одиночку. Но и среди бандитов изгоев не любят: какое к

ним может быть доверие? Ну а выживать в одиночку... Человек — животное социальное, ему общение нужно. Но даже в том случае, если ты ярко выраженный социопат, шансов выжить практически нет.

— Дорого, Глеб, не стану отрицать. Только ты по этому поводу можешь не беспокоиться: нашлись люди, которым ты сам дорог, причем настолько... В моей практике подобного не случалось. Признаюсь, — Старовойтова улыбнулась, — я даже немножечко наглела, когда говорила, что мне надо. И представляешь, получила даже больше того, что просила. И если ты чем-то и обязан, так именно им.

— Ну а вам лично? Может быть, я для вас что-нибудь сделать смогу? Вы только скажите!

— Есть у меня к тебе просьба, Глеб, — кивнула женщина. — Именно просьба, но говорить о ней пока рано. Выздоровливай полностью, а как почувствуешь, что ты уже прежний Чужак — личность почти легендарная, тогда и приходи. К тому же и время сейчас не совсем подходящее, — туманно добавила Старовойтова, посмотрев по сторонам и отметив, что землю припорошил первый снег.

— Приду, Евдокия Петровна, — твердо пообещал Глеб, — обязательно приду, по первому зову, даже не сомневайтесь.

Глава 1 «СНЕГИРИ»

Фрязин, когда-то бальнеологическая лечебница, а ныне — небольшое поселение, располагался на острове посреди озера Фрязинское, которое и дало ему имя. Такие поселения зачастую возникали на месте усадеб, заимок, фермерских хозяйств, курортов — словом, подальше от больших городов, где теперь безраздельно хозяйничали существа, которых называли тварями.

В прошлом Фрязин славился целебными грязями. Грязи и сейчас никуда не делись, но теперь он был известен совсем не этим. Именно здесь Старовойтовой удалось победить ту инфекцию, которая развивалась в организме человека в том случае, если в его кровь попадала кровь тварей. Лгала, правда, Чужинovu Марина, утверждая, что пациентов у Старовойтовой были уже сотни и всем им она сохранила жизнь. А может, и сама не знала.

В тот день, когда едва живого Чужинова принесли к ней на носилках, Евдокия Петровна честно предупредила:

— Глеб, шансы пятьдесят на пятьдесят.

— Удивительно высокие шансы... всегда бы они такими были... Обычно жизнь меня так не балует, — с улыбкой ответил ей Глеб, преодолевая боль, потому что капсулы закончились еще накануне.

Несколько последующих дней Чужинов не помнил вовсе. Уже потом ему рассказали, что все это время жизнь его висела на волоске, который, к счастью, не оборвался. Единственное, что осталось в памяти, — заплаканное лицо

Марины, которое он видел каждый раз, когда ненадолго приходил в себя.

Глеб смотрел вслед Старовойтовой, когда та неожиданно обернулась:

— Да, Чужинов, совсем забыла: там к тебе гость прибыл, Викентьев.

— Рад тебя видеть, Кирилл Петрович. Какими судьбами здесь?

— Я тоже рад, Глеб. Мы у Ларионова собирались, а на обратном пути решил сюда заглянуть. Как там, думаю, Чужак: поправляется, нет? Дай, думаю, проведаю.

В руках Петра Сергеевича Ларионова Мирный — бывшая военная база с немалым арсеналом и складами стратегического значения. И потому так сложилось, что он — самая значимая фигура в этих краях и далеко за их пределами. Викентьев тоже возглавляет поселение, но поменьше.

«Если Петрович сказал «мы», значит, Ларионов назначил встречу ему и другим главам поселений у себя. Где же им еще собираться, если не там?» — размышлял Глеб.

— Поправляюсь, Кирилл Петрович. Скучно здесь, — неожиданно для самого себя пожаловался он. — Одно спасение — книжки, иначе давно бы от тоски выть на луну начал.

Викентьев мельком взглянул на заставленную книгами полку в комнатке Чужинова.

— Благодать какая! — вздохнул он. — Мне бы вот так — лежать, скучать, книги почитывать... Марина-то где?

— Дежурит, вечером сменится. Кстати, спасибо тебе еще раз: удивительно вовремя тогда твои бойцы прибыли... думал, все — амба.

— Свои люди — сочтемся, — глядя в узкое, похожее на бойницу окно, пообещал Викентьев. — Ты, главное, выздоравливай поскорей. Да, Ларионов просил тебе рюкзачок передать. Так сказать, в благодарность за содеянное. Вместе с заверениями, что он добро помнит. Кстати, и сам рюкзак тоже в подарок. Там в кармашке письмо от него. И от Полины сверток. В общем, подарки тебе половину

лодки заняли... снова должен будешь, — пошутил полковник.

«Бедная девочка! — Глеб вспомнил рассказ Поли об ее отношении к Ларионову. — Но по крайней мере живой осталась. А там, глядишь, и ее жизнь к лучшему изменится».

— Петрович! — взмолился вдруг Чужинов. — Забери меня, а?! Я у тебя в «Снегирях» обузой не стану, не настолько я немощный. Третий месяц пошел, как я здесь, чокнусь скоро.

— Верю, что обузой не будешь. А Евдокия Петровна отпустит?

— Сейчас попробую с ней договориться... — Глеб решительно поднялся на ноги.

— Сиди уж, я сам.

Глеб проводил Викентьева улыбкой. Смотрите, какой заботливый! Понятно же, что он со Старовойтовой лишний раз встретиться хочет. То-то все в окно поглядывал в надежде ее увидеть. А что, пара получилась бы не хуже других. Как поется в одной песне: он мужчина интересный, и она разведена. Пожалуй, не совсем так: оба они, и Викентьев, и Старовойтова, остались без близких пять лет назад, когда все и случилось. Но жизнь-то продолжается.

Чужинов взглянул на рюкзак — подарок Ларионова. Отличный рейдовый рюкзак переменной емкости, с модульной подвесной системой. Он давно о таком мечтал. Если дернуть за специальное кольцо, основная емкость отпадет и останется лишь пояс — фактически разгрузка, причем кевларовая¹. И цвет хаки. Любой камуфляж, не важно какой, цифровой или растительный, подходит лишь под определенную местность, универсального нет, и хаки — то, что и необходимо.

Глеб открыл верхний клапан рюкзака. Сверху лежал комплект «Горки»: стопроцентный хлопок из нитки осо-

¹ К е в л а р — ткань искусственного волокна. Обладает высокой прочностью (в пять раз прочнее стали).

бой скрутки, придающей одежде водоотталкивающие свойства, с усилениями на локтях, коленях и задней части брюк. И тоже хаки.

«Как будто мешок Деда Мороза мне одному достался!» — Чужинов обрадовался как ребенок, извлекая на свет трекинговые ботинки от известнейшего немецкого бренда. — И размерчик мой!»

Не так давно, когда Глеб считал, что жить ему всего ничего, раздарил он все, что было у него ценного, не объясняя никому причин. Только и остались у него что автомат АК, произведенный в шестидесятых годах прошлого века, бинокль «Carl Zeiss», выдавший виды комок да старые истоптанные сапоги, которые давно уже следовало выбросить. И тут на тебе! Впору заорать во весь голос от переизбытка эмоций. Возможно, Глеб и заорал бы, но прибегут люди с оружием спасти его от непонятно откуда взявшихся внутри поселения тварей. Представив все воочию, он усмехнулся.

Нож. Глеб вынул его из кожаных проклепанных ножен, поднес поближе к окну... Его собственный, верно прослуживший последние пять лет, остался в небольшом поселке на берегу Логи. Там, где он успел окончательно попрощаться с жизнью.

«Качество, проверенное временем», — хмыкнул он, рассматривая форму лезвия: именно такая форма и у американского Ка-Бара, и у отечественного НР — ножа разведчика. Ярко выраженная гарда, клиновидный скос. Пластинчатая, на клепках рукоять, массивное навершие с отверстием под темляк¹. Нож явно ручнойковки, но Чужинов мог с ходу назвать с пяток сталей, применяемых в обычных инструментах и механизмах, которые нисколько не уступали самым элитным маркам ведущих производителей, если были еще не лучше.

Он проверил баланс: все в порядке. Сжал рукоять поочередно обычным, топорным и обратным хватом, покрутил нож в пальцах, перекинул из руки в руку — ощущения

¹ Темляк — ремень, петля, шнур или кисть на эфесе холодного оружия.

были прекрасными. Нанес в воздухе несколько режущих ударов, закончив комбинацию глубоко проникающим. И тут все отлично. Оставалась последняя проверка, и, если нож выдержит такое «издевательство», останется только порадоваться, что он оказался в его руках. Если же нет, прямая дорога ему на кухню. Глеб вставил лезвие в щель между бревнами по самую рукоять и повис на нем весом всего тела. Нож выдержал, и, довольный, Чужинов положил его на стол, чтобы снова склониться над рюкзаком в предвкушении следующего подарка. Он вынул футляр размером с небольшой кейс, пристроил его рядом с ножом на столе и открыл.

— Петр Сергеевич! — прошептал Глеб, глядя на содержимое футляра. — При встрече я тебе в ножки поклонюсь!

Внутри лежал пистолет ОЦ-27, или ПСА «Бердыш», — последнее творение гениального конструктора Стечкина, пусть и сделанное им в соавторстве. Кнопка сброса магазина на обе стороны, емкость его — восемнадцать патронов, трехпозиционный предохранитель с функцией безопасного спуска курка, потрясающая надежность и очень высокая для боевого оружия точность. И это были далеко не все его достоинства. В комплекте к пистолету имелись три сменных ствола разных калибров, замена которых даже в полевых условиях — минутное дело. Один из них под патрон ТТ 7.62, второй — под 9×19 парабеллума. И третий тоже девятимиллиметровый пистолета Макарова и, что немаловажно, под более мощный патрон ПММ. Нет, Чужинов не собирался постоянно носить с собой весь набор стволов. Но в нынешних условиях, когда патроны в дефиците, такое разнообразие калибров становилось еще одним немалым достоинством пистолета.

«Сила! — Чужинов взвесил в руке почти килограммовый пистолет. — И хват нисколько не хуже, чем у «Береты», в который раз убеждаюсь». Он уже имел дело с «Бердышом», особенно нравилось ему, что импульс отдачи приходился ниже затвора, примерно на уровне спусковой скобы, поэтому пистолет не подбрасывало так, как, на-

пример, ПМ. И сама отдача была не такая резкая, растянутая, что ли. Нашлись к пистолету и боеприпасы: двадцать пачек, по шестнадцать патронов в каждой. Причем все повышенной бронебойности. Пули с оголенным стальным сердечником не имеют такого останавливающего действия, как обычные, но твари — существа, абсолютно лишённые чувства боли, болевого шока от них не дождешься, и потому валить их нужно сразу намертво, поражая головной мозг. Однако строение костей черепа у них таково, что частенько случаются рикошеты, ну а с такими патронами этого можно особенно не опасаться. Глеб быстро снарядил все три запасных магазина, вставил один из них в рукоять пистолета и снова залез в рюкзак, чтобы в очередной раз обрадоваться. Ну а как тут не порадоваться абсолютно новенькой бундесверовской альпийской парке!

Подарки на этом закончились, правда, в одном из карманов удалось обнаружить брезентовую портупею, которая куда предпочтительнее кожаной. И тоже цвета хаки.

На дне рюкзака прощупывалось что-то мягкое, но Чужинов даже смотреть не стал. И без того ясно, что там пенополиуретановая подстилка, на которой и на леднике спать можно, не боясь застудить себе почки, которую можно использовать как гамак или носилки для переноски раненых.

«Да уж, — думал Чужинов, облачившись в «Горку» и пытаясь разглядеть себя со стороны без помощи зеркала, — дошел ты, Глеб, до точки. — Новая одежда висела на нем мешком. Вообще-то размер был его, но похудел он за время болезни так, что хорошо, если пятидесятый остался. — Ну ничего, как говорила бабушка, были бы кости, а мясо нарастет. Кстати, Викентьев сказал, что там еще должно быть и письмо от Ларионова».

Нашлось и оно.

«Глеб, — писал Ларионов, — бесконечно тебе благодарен. Очень надеюсь, что содержимое рюкзака тебе понравится».

Число, размашистая подпись и в самом низу приписка:

«Буду рад увидеть тебя в Мирном. И дела для тебя найдутся, и просто погостить».

Еще бы Чужинову подарки не понравились: по нынешним временам и сам рюкзак, и его содержимое — клад, да еще какой! Понимает Ларионов толк в подобных вещах. А чего удивительного: в прежней жизни он, как и Викентьев, тоже полковник, хотя к спецуре никакого отношения не имел. Глеб снова взял со стола пистолет. В теперешнем его состоянии, когда с автоматом не развернешься, мечтал он об АПС, а тут такая удача.

Скрипнула дверь, пропуская Марину. Девушка, увидев его в «Горке» и с пистолетом в руке, побледнела.

— Глеб, ты куда собрался? — всполошилась она. — Рано тебе... ночами иной раз зубами скрежещешь, еще и постанываешь... — Отлично себе представляя, что, если тот что-то решил, отговаривать бесполезно.

— Никуда, милая, никуда, — улыбнулся ей Чужин, положив пистолет снова на стол и обняв девушку здоровой рукой. — А если даже и соберусь, тебя возьму. Поедешь со мной?

— Еще спрашиваешь! — Марина прильнула к нему. — Кирилл Петровича видел?

— Заходил не так давно. Скоро снова должен прийти.

И действительно, Викентьев не заставил себя долго ждать.

— Ну что, Глеб, собирайся, — с порога заявил он. — Отправляемся завтра в семь ноль-ноль. — Затем обратился к девушке: — Ну, Марина, ты прямо расцвела... красавица-то какая!

— Теперь есть для кого, — потупилась та. — Ой, Кирилл Петрович, давайте я вас чаем угошу, — засуетилась вдруг девушка.

Все уже заняли места в лодке, готовясь к отплытию, когда Глеб подошел к Старовойтовой попрощаться.

— До свидания, Евдокия Петровна. И спасибо вам за все!

— До свидания, Глеб. Береги себя, по крайней мере хотя бы в ближайшее время.

— Постараюсь. Ну а когда полностью приду в себя, обязательно к вам наведаюсь: наш уговор я помню.

Лодка шла строго посередине реки, стараясь держаться от обоих берегов как можно дальше. Ритмично скрипели под взмахами весел две пары уключин. Оружие держали наготове: и для тварей, которые в любой момент могли показаться из-за прибрежных зарослей и броситься в воду, и для бандитов. Впрочем, твари в воде далеко не так молниеносны, как на суше, и потому серьезной опасности не представляли. Ну а бандиты... На воде все как на ладони, хотя шансов нарваться на них в этих краях было не так уж и много.

Скоро вместе с морозами придет зима и тварей станет значительно меньше. Часть из них замерзнет, другая, собравшись вместе и сплетясь в огромные клубки, упадет в состояние, похожее на анабиоз. Так будет продолжаться до самой весны, когда их снова будет очень-очень много.

Но хватит и тех немногочисленных особей, что и зимой проявляют активность. Именно они — головная боль поселений в холодное время года. Обычная тварь испытывает лютую ненависть ко всему живому и особенно к человеку. Настолько лютую, что, не раздумывая, бросается на него, если появляется хотя бы малейшая возможность, метит она всегда в горло.

Несмотря на свой норов, тварь может поберечься и не лезть под выстрел, если вцепиться в горло шансов нет. Тогда она способна выжидать бесконечно долго в надежде на то, что такой шанс когда-нибудь да появится. «Зимние» твари — облудки — от остальных отличаются. Они значительно крупнее, со светлым окрасом и с еще более потрясающей регенерацией. Ярости в них нисколько не меньше, но облудки, а именно такое название прилипло к ним, ведут себя намного хитрее, всегда наверняка выбирая момент для атаки. Глеб понятия не имел, почему их называли

именно так. Возможно, из-за того, что «облуд» на древнерусском языке означало «обманщик», возможно, по другой причине, что, впрочем, в их поведении абсолютно ничего не меняло. Имелось у «зимних» тварей и другое название — ублюдки. Первые три зимы после того, как на Земле случилась катастрофа, они не встречались, появились лишь на четвертую, и это стало для людей полной неожиданностью.

Лодка, на которой они плыли по Врегде, впадающей во Фрязинское озеро, чем-то походила на древнерусскую ладью. Длинная, узкая, с высокими носом и кормой и расположенными внахлест досками бортов. Для пущей достоверности не хватало только развешанных по краям щитов, остроконечных шлемов на головах да начищенных до блеска кольчуг. Или сабель и лихо заломленных набок лохматых казачьих шапок.

«А вот и атаман, — взглянул Глеб на сидевшего на носу Викентьева. — Только княжну за борт в набежавшую волну выкидывать не позволю: она моя», — и он перевел взгляд на Марину.

Викентьев, уловив взгляд Чужинова, знаками показал ему — подойди.

— За следующим поворотом Праня — тот самый приток. Верх по ее течению находится то, о чем и был разговор.

Глеб кивнул: понял и запомнил. На Пране, почти в самом ее истоке, расположен укрепленный кордон. Никакого стратегического значения он не имеет: мимо него не проходят пути миграции тварей, чтобы можно было вовремя предупредить людей, чтобы их не застали врасплох. Не нужен он и как форпост: мимо него не прокрасться бандитам, задумавшим совершить очередной набег. Дело в другом: недалеко расположены солончаки.

В прежние времена никто бы на них и внимания не обратил: для промышленных объемов они интереса не представляли. Теперь все изменилось, и добываемой там соли хватало не только на нужды возглавляемых Викентьевым «Снегирей», но и на то, чтобы приторговывать, меняя соль

на самое необходимое. Соль ныне, когда люди остались без электричества и, как следствие, без холодильных установок, стала едва ли единственной возможностью запастись продуктами впрок и сохранить их. За исключением конечно же зимней поры, но хлебать пресный супчик и зимой удовольствие весьма сомнительное.

Просьба Викентьева заключалась в том, чтобы Глеб, когда почувствует себя в силах, наведался на солеварню, порядок навел, ну и посмотрел опытным глазом, что и как можно улучшить.

— Летом там всегда спокойно: обычные твари не забредают, — рассказывал Викентьев. — Но прошлой зимой зачастили туда облудки, несколько случаев уже было. Поначалу с ними справлялись, причем без жертв. Но в последний раз произошла настоящая трагедия: из семи человек четверо погибли. Ну и проблема сразу обозначилась: опытных бойцов туда не пошлешь, их и без того в «Снегирях» кот наплакал, а среди тех, кого, извини за цинизм, не жалко, охотников мало. И мотивировать их мне особенно нечем. Дело к зиме. — И он взглянул на припорошенные снегом берега Врегды. — Запас соли кое-какой есть, но сам знаешь: это единственное, что мы можем предложить на обмен. Так что очень на тебя надеюсь, Глеб.

Бывший элитный дом отдыха «Снегири», как и множество других людских поселений, ныне более всего походил на казачий острог времен освоения Сибири и Дальнего Востока: бревенчатый частокол по периметру на валу, ров, зачастую наполненный водой, сторожевые башни и обязательно надвратная. Все пространство внутри разделено тыном на несколько частей — на случай, если тварям все же удастся проникнуть на территорию поселения, что случилось уже не раз. Глебу всегда хотелось назвать их «локалками». Внешний частокол в «Снегирях» был не слишком высок — метра три с половиной—четыре, но не из-за экономии. Единственное, в чем людям повезло, — твари не умели лазать по деревьям, а значит, не могли и взобраться

на частокол. Еще большую схожесть с острогом селению придавала луковка небольшой бревенчатой церкви.

«Человеку необходимо во что-то верить, так уж он устроен, — размышлял Чужин, глядя на приближающиеся стены «Снегирей». — И совершенно не важно, во что именно: в Бога, в собственную исключительность, в чудо, удачу, свои силы или даже в то, что верить нельзя ни во что. Случись невероятное и окажись здесь человек, который не ведает, что творится с миром, он бы решил, что оказался в Средневековье: ни спутниковых тарелок, ни антенн, ни проводов, ни транспорта, ни механизмов. И всюду дерево, дерево, дерево...»

Конечно же так было не везде. Например, Мирный — бывшая военная база, и картина там будет выглядеть совсем иначе: все сплошь из кирпича и бетона. Но и там никаких антенн и проводов. Да и к чему они, если пользоваться электричеством смертельно опасно?

Рядом со «Снегирями» простирались поля, которых пять лет назад не было и в помине. Обычные поля, давно уже убранные и покрытые снегом. Вернее, не совсем обычные: то тут, то там посреди них виднелись вышки с помостами — единственное спасение для людей, если во время сельскохозяйственных работ вдруг объявятся твари.

Встречать лодку на бревенчатом причале собрались едва ли не все обитатели «Снегирей».

Жизнь без привычных развлечений, которых люди лишились несколько лет назад, оказалась скучна. Без телевидения, интернета, радио, наконец, просто без возможности послушать любимую музыку или посмотреть интересный фильм. Все ждали новостей, приветов от знакомых или родственников, писем, даже сплетен, которые можно было обсудить вечером, когда дела уже позади, а лечь спать еще рано.

Викентьева сразу окружили какие-то люди, что-то ему докладывая и выслушивая его распоряжения. Марина разговаривала с какой-то темноволосой девушкой, которая то и дело бросала на Чужинина заинтересованные взгляды.

Чужинова не встречал никто. Да и не было у него хороших знакомых в «Снегирах», и потому он стоял, опустив рюкзак на землю. Петрович просил его не уходить, и теперь Глеб терпеливо ждал, когда тот закончит неотложные дела.

— А это что за фраер с Петровичем прибыл? — услышал вдруг он за спиной чей-то голос. — Доходяга какой-то, но боты у него шикарные.

Представив себя со стороны, Чужинов усмехнулся: длинный, худой как жердь, в старой прожженной и заштопанной телогрейке. Свою парку он накинул на Марину поверх ее бушлатика на рыбьем меху. Глеб уже поворачивался, когда услышал другой голос, на этот раз хорошо ему знакомый.

— Дядя, ты бы потише говорил, шепотом, что ли? Сейчас этот доходяга проедет по тебе, в землю закатает и не заметит даже. Здорово, Чужак! — громче, чем требовалось, поприветствовал его Семен Поликарпов.

— Здравствуй, Семен. — Обычно тот называл его по имени, и ясно, что он решил устроить презентацию для тех, кто не видел Чужинова, а только о нем слышал. — Как рука?

Когда они расставались еще ранней осенью, рука у Поликарпова была серьезно повреждена бандитской пулей.

— Нормально. Скоро вообще про нее забуду, практически не беспокоит уже. А было время, думал, что без нее останусь. Хоть и не правая, но жалко ее было до одури, — улыбнулся Сема. — Как сам?

— Тоже очень надеюсь, что через месячишко-другой полностью в себя приду. Видел кого?

— Денис Войтов пару недель назад сюда забредал. Они с Душманом куда-то на юг подались. Оба спецы, так что быстро спелись.

— А Душман, это кто?

— Глеб, это ж друган твой армейский, ты его куда лучше меня должен знать.

— Рустам Джиоев, Джой? — догадался Чужинов.

— То, что Рустам, — это точно. Но все его Душманом зовут.

«Наверное, из-за бороды прилипло, — решил Глеб. — Да и черты лица у Рустама восточные».

Навещал его Рустам как-то во Фрязине. Много чего порассказывал. Он, пока в этих краях не объявился, треть России прошел. Повсюду одно и то же: твари, твари, твари и судорожные попытки человечества выжить.

Закончив с неотложными делами, Викентьев не стал окликать Глеба, подошел сам.

— Ну что, орлы, пойдете? Глеб, я вам с Мариной комнату в центральной усадьбе выделил. Выздоровлявай, и ты, Семен, тоже, а там, глядишь, и отблагодарите меня за мою доброту. Бойцов под себя наберете, натаскаете их, будет теперь и в «Снегирях» своя гвардия.

Глава 2 СОЛЕВАРНЯ

Это только кажется, что если встать на широкие, подбитые камусом лыжи, то снег любой толщины становится тебе нипочем. Нет, здесь тоже необходим определенный навык, иначе намучаешься с ними не меньше, чем если по очереди вытаскивать ноги из глубокого, по колено и выше, снега.

На что уж Чужинова готовили ко всему, что только может приключиться с солдатом на войне в любых погодных условиях, но и ему пришлось помучиться, прежде чем он приобрел его — навык хождения на охотничьих лыжах. Впрочем, это осталось далеко позади, и теперь Глеб шел легко и уверенно, наслаждаясь морозной свежестью. Время от времени он прислушивался к себе и довольно улыбался — он прежний. Такой, какой был до болезни и ранений. Лихо скатившись с пригорка, Глеб притормозил, поджидая остальных.

Вскоре где-то наверху послышался скрип снега под лыжами, а затем показались и его спутники. Первым рядом с ним остановился Ракитин, тоже Глеб. Ему двадцать, хотя

выглядел он почти подростком. Глеб вынослив, понятлив и стрелок неплохой.

Следующим к ним присоединился Иван Ваксин. Этому немного за тридцать, он выше Чужинова на голову и в плечах мало ему уступает. Веснушчатый, курносый, с широким простодушным лицом. Ивану удивительно шло его имя. Но Глеб обратил на него внимание конечно же совсем не из-за имени. Иван — охотник, рыбак и в лесу он как дома. Чем-то Ваксин напоминал Чужинову Поликарпова, обстоятельностью, что ли. Да и сам Семен быстро нашел с ним общий язык. Что и понятно: оба — сельские жители и им всегда есть о чем поговорить.

А вот и сам бежавший замыкающим Поликарпов, с раскрасневшимся от скорости лицом.

— Как рука, Сема? — поинтересовался Чужинов.

— Нормально. Но ночью мороз точно будет, тянет ее, — улыбнулся Поликарпов.

У Чужинова и у самого на перемену погоды ломило в плече и боку. Это сейчас, когда еще и тридцати нет... Что-то будет к старости?

«Глеб, ты еще доживи до нее, тут люди на день вперед не загадывают».

Он присмотрелся к спутникам. Его беспокоил тезка — Ракитин. Ну не выглядит тот богатырем: худой как щепка и ростом невелик. Но нет, многочасовой бег на лыжах его не вымотал: дышит ровно, не задыхается и даже не вспотел. К тому же учеба не прошла даром: Ракитин смотрел не на него — следил за своим сектором, держа автомат наготове.

Как он радовался, когда Чужинов вручил ему АКМ¹. Еще бы, после охотничьей-то двустволки, которая у него была. У Ваксина тоже АКМ, и тоже из рук Чужинова, заменивший Ивану вполне надежный, но далеко не универсальный ТОЗ-87².

На груди у Поликарпова висел самый современный из семейства автоматов Калашникова — АК-12. Но в этом за-

¹ А К М — автомат Калашникова модернизированный, калибр 7,62×39 мм.

² ТОЗ-87 — самозарядное ружье, калибр 12×70, емкость магазина — 4 патрона.

слуги Чужинова не было — он всегда там висел, сколько Глеб Поликарпова помнил.

Ну а сам Глеб оставался при своем старом, добром автомате Калашникова образца одна тысяча девятьсот сорок седьмого года, еще с фрезерованной коробкой, с которым за прошедшие пять лет он успел сродниться так, что знал его до последней царапины на прикладе. Впрочем, приклад на автомате был как раз новым, равно как и цевье. Один из обитателей «Снегирей», дед, выглядевший ровесником сотворения мира, предложил Глебу поменять приклад. Тот действительно выглядел неважно после угодившей в него пули: стянутый проволокой, поверх которой намотана изолента.

— Я сам поменяю, — ответил ему Чужинов. — Что просишь?

— Ты не понял меня. Я сделаю тебе новый. А заодно и рукоять с цевьем. Соглашайся, не пожалеешь.

Поначалу Глеб даже расстроился. Он уже было решил, что старику каким-то образом попал в руки новый приклад, а тут столяр на все руки решил выстрогать его из какой-нибудь хорошо просушенной сосновой колоды. Сомнения Чужинова развеял Семен, когда он рассказал тому о предложении.

— Соглашайся, Чужак, не пожалеешь. Видел я его работу. Впору и мне свой поменять. — И он, ухмыльнувшись, хлопнул по тактическому, с регулируемой длиной и подщечником, прикладу своего автомата.

И Глеб действительно не пожалел. Два раза приходил он к деду, как на примерку к портному. Но когда работа была сделана, все же засомневался:

— Шейка приклада не тонковата будет? Не сломается?

Случается, что прикладом иногда приходится работать. Не по тварям, конечно, тем удар деревяшкой что слону дробина, но по людям. И совсем нежелательно, если он подведет в самый ответственный момент.

— Нет, — развеял его сомнения дед, энергично тряся головой. — Это же груша! Тот же орех с ней рядом не лежал!

Еще дед чуть приподнял приклад, и теперь тот выглядел, как у АКМ или у более поздних моделей. Вещь нужная: так и целиться удобнее, и при стрельбе оружие уже не так уводит вверх. И рукоять у мастера получилась замечательная: как будто бы и анатомическая, но братья за нее одинаково удобно любой рукой. Ну и само дерево на морозе всегда имеет преимущество перед пластиком и металлом.

— Лак у меня тоже хороший, — заверил его мастер. — В жару к рукам липнуть не будет и сырости не боится.

В общем, Чужинов действительно не пожалел. Вдобавок на автоматной мушке появилась тритиевая вставка, Глеб давно хотел, но все как-то не получалось. А вот планку он менять не стал, хотя была и такая возможность. Кто бы что ни говорил, а при быстром переносе огня или стрельбе в сумерках она работает и работает нормально. Что касается самого боя, он у автомата такой, что Глеб не переставал им восхищаться. Возможно, прав был Прокоп Киреев, который когда-то и снабдил его этим оружием.

— Уникальный экземпляр. Так сказать, штучная работа.

Калибр у всех четырех автоматов был одинаковый — 7,62×39. Это существенно в составе группы. То же относилось и ко второму оружию — пистолетам, которые имелись у каждого: все под девятимиллиметровый патрон ПМ. Хотя среди пистолетов разнообразие было полным: у каждого своя модель, начиная с чужиновского «Бердыша» и заканчивая «Фортом» украинского производства Ракитина.

Со снаряжением остальных участников группы, тех, что остались в «Снегирах», дела обстояли похуже, для них даже автоматического оружия не нашлось, не говоря уже о единообразии калибров. Чужинов создал группу по просьбе Викентьева, и сам Петрович называл ее не иначе как «мои командос». Глава «Снегирей» выделил для нее все, что смог, и даже более того, и все же оснащение команды оставляло желать лучшего.

Группа вместе с Чужиновым и Поликарповым насчитывала восемь человек, им предстояло решать особые за-

дачи. Всю осень и начало зимы Глеб потратил на обучение. Вот только с тем мизерным количеством патронов, которое они могли позволить себе потратить на тренировках, приходилось упираться в основном на навыки выживания, наблюдения, маскировки. От тварей спрятаться сложно, но, поскольку в задачу группы входило и уничтожение бандитов, Глеб считал, что лишним это не будет. И конечно же «физика». Будь ты хоть лучшим стрелком в мире, но, если после километровой пробежки у тебя ходуном ходят руки, подгибаются ноги, а глаза заливают едкий соленый пот — грош тебе цена.

Как говорится, нет худа без добра, и, заставляя своих бойцов раз за разом выкладываться, Глеб и сам от нагрузок не отлынивал, пока наконец не почувствовал себя в прежней физической форме. Что до снаряжения, Викентьев обещал дело поправить, но единственная валюта, которую он мог предложить в обмен на оружие и боеприпасы, была соль.

Попасть на кордон засветло, как они на то рассчитывали, им не удалось. Подвел Глеба его тезка: переходя безымянный ручей, выпадающий в Праню, вдоль русла которой они следовали, Ракитин умудрился провалиться в воду там, где остальные, намного его тяжелее, прошли свободно.

— Привал, — объявил Чужинов. — Сушиться будем. Семен — костер, Иван — деревья.

Мороз невелик, но до кордона оставалось около трех часов ходьбы, за это время в мокрой одежде недолго и воспаление легких подхватить, а то и менингит. Вон у Ракитина даже шапка ледяной коростой покрылась. Семен принялся вытаптывать снег, готовя место под будущий очаг. Иван занялся поиском подходящих деревьев, чтобы в случае опасности быстро и без помех на них взобраться: лучшей защиты от тварей, чем оказаться на недоступной для них высоте, никто еще не придумал. Чужинов наблюдал за обстановкой вокруг. Ракитин поглядывал на него с опаской.

Глеб отлично знал: желающих попасть в его команду

среди обитателей «Снегирей» с избытком. При наборе в пору было конкурс устраивать — с физическими тестами, проверкой навыков обращения с оружием, теоретическими вопросами и главным призом. А что? Куда больший риск — быть однажды сожранной тварью или попасть под бандитские пули. Да, жизнь тяжелая, иной раз приходится ночевать в зимнем лесу и питаться чем придется. Но! Уважение окружающих, женское внимание и избавление от повседневной рутины! К тому же лучшее снабжение и питание. Правда, ряху себе никто из его людей не отъел, но и голодными не выглядят и одеты не в рвань. Так что на место Ракитина найдется сразу несколько кандидатур, ни в чем ему не уступающих.

Тот и сам все отлично понимал и потому смотрел на Глеба виновато: первое серьезное дело, и вдруг такой казус.

— Успокойся, тезка, — понимая его состояние, сказал Чужинов. — Со всяким может случиться.

Ничего хорошего задержка в пути не обещала: пробираться в темноте по лесу — рулетка еще та. Твари не могут похвастать ни тонким нюхом, ни особенным слухом, но ночное зрение развито у них значительно лучше, чем у человека. Ночевка же в лесу зимой — удовольствие крайне сомнительное. Две ночевки по пути сюда они уже пережили, но то в избушках, расположенных в дне пути одна от другой. Там и печурки имеются, и запас дров, и для обороны все подготовлено. Вплоть до возможности забраться через люк на крышу, а то и на близстоящее дерево и уже оттуда, со специально подготовленной площадки, вести сверху прицельный огонь. И подлесок вокруг вырублен, чтобы обзор не загораживать.

— Глеб, скоро стемнеет, — прервал его размышления Поликарпов. — А нам еще топать и топать.

Чужинов взглянул на Ракитина. Понятно, полностью одежда на нем высохнуть не успела, но поторопиться стоило. Тот, уловив взгляд, сразу же вскочил на ноги:

— Я готов. На ходу не замерзну.

— Стоп! — поднял руку Чужинов, и скрип снега за спиной мгновенно стих.

Некоторое время стояла тишина, которую нарушил, хрюкнув и едва сдержав чих, Ракитин.

«Все-таки простыл», — подумал Глеб.

— Чужак, что случилось? Почему встали? — спросил Поликарпов.

До цели оставалось немного, уже скоро должны были показаться крыши солеварни и окружавший ее частокол.

— Гарью несет, чувствуешь?

Семен старательно повел носом, принюхиваясь.

— Действительно дымком пахнет. — Поликарпов смотрел на него вопросительно.

Ветерок пусть и слабенький, но встречный. К утру обязательно приморозит: все небо в звездах. На солеварне топят печи... Что не так?

— Гарью воняет, Сема, именно гарью.

Тот принюхался снова.

— И верно: запах какой-то кисловатый. Или с горчинкой. Точно гарь.

Дальше пошли тесной группой, держа оружие наготове. Запах гари усилился, и теперь его чувствовали все. Когда из кустов едва ли не у самых ног вспорхнула стая перепелов, Ракитину не хватило выдержки, чтобы не нажать на спуск, благо что поставленное на предохранитель оружие смолчало. Он покосился на Чужинова, но тот сделал вид, как будто ничего не заметил.

Наконец открылся вид на солеварню, которая представляла собой затерянный в лесу маленький форт. Частокол по периметру, сторожевая вышка и несколько строений, задние стены которых служили частью ограждения. Единственного брошенного на нее взгляда даже в наступившей к тому времени темноте хватило, чтобы понять — что-то произошло. Помимо пожара, который уничтожил часть строений и частокола.

— Нападение? — прошептал Ваксин.

— Не знаю. Но похоже на то.

Как ни всматривались, они не могли обнаружить никаких признаков оставшихся в живых людей. Ну не могли же погибнуть все! Так не бывает. Кто-нибудь, да остался.

— Снег пару дней уже не шел, — тоже шепотом сказал Поликарпов, и Глеб кивнул, соглашаясь.

Осадков действительно не было ни вчера, ни позавчера, но все вокруг было покрыто снегом. А если учесть, что пожар такого масштаба не мог закончиться за час или два, все произошло как минимум три дня назад.

— В обход, зайдем от ельника, — принял решение Чужинов. — Там от пожара частокол пострадал, так что попасть внутрь будет легче.

Со стороны реки густой ельник подступал к солеварне почти вплотную. Побывав здесь в прошлый раз, Глеб дал указание вырубить его, и, будь все по-другому, он устроил бы местным обитателям за неисполнение приказа такой разнос... Только, по-видимому, разносить уже было некого.

Шли медленно, осторожно, напряженно вслушиваясь в тишину вокруг. Оказавшись внутри, замерли снова: как будто бы никого.

— В бане ночь пересидим, она не тронута. Рассветет, будем разбираться, что здесь произошло.

Дверь в баню оказалась полуоткрытой, и внутрь намело так, что Ракитину пришлось отгребать снег лыжей, пока остальные прикрывали его с оружием наготове. Наконец дверь закрыли, и Поликарпов со стуком задвинул на ней засов.

— Печь топить будем? — уже громко, не таясь, спросил он.

— Обязательно, — ответил ему Глеб. — Стоило ли так торопиться, чтобы просидеть ночь в холоде?

Чужинов знал, что от всех строений к центральному, ныне выгоревшему дотла, ведут ходы под землей на тот случай, если твари вдруг захватят все внутреннее пространство и люди окажутся разбросанными. Или наоборот — понадобится разделить, если обстоятельства к

тому вынуждают. И потому он не опасался, что они окажутся в бане как взаперти.

Баня на кордоне была добротной. Большая, с просторной парилкой, моечной и немалым предбанником. И как такая могла появиться в общем-то крохотном селении? С другой стороны, стоит ли удивляться, когда у людей осталось так мало развлечений и поход в баню, сам процесс мытья, посиделки после стали едва ли не самой главной из утех.

— Глеб, ты видел? Там, на дереве... — начал Ваксин.

Чужинов кивнул: видел. На одном из росших внутри периметра деревьев среди ветвей виднелось темное пятно. И оно не могло быть не чем, как человеческим телом. Но чтобы убедиться в этом, стоило дождаться утра.

— Утро красит нежным светом... — пел Ваксин, умываясь из деревянной шайки.

— Вань, ты чего это прямо с утра распелся? — поинтересовался у него Ракитин. Он говорил в нос: вчерашнее «купание» в ледяной воде давало о себе знать.

Накануне Глеб плеснул ему в кружку спирт.

— Пей, — приказал он. — И чтобы к утру как огурчик был.

Тот лихо махнул содержимое кружки, но закашлялся, за что получил промеж лопаток широкой ладонью Поликарпова.

— Половина выскочила, — с сожалением констатировал Семен. — Вот и переводы на тебя добро.

По нынешним временам спирт являлся страшным дефицитом, в ходу была самогонка, и гнать ее умудрялись из самых немислимых вещей. Огурчиком к утру Ракитин не стал, и лишь его распухший нос чем-то напоминал этот овощ, но только не цветом.

— Да вот, что-то в голову пришло, — ответил Иван. — Утро, в окно выглянул — снег на деревьях действительно какой-то розовый.

— Ну, в эти-то окошки сильно не выглянешь. — Семен снимал вскипевший чайник с печи.

И действительно: окон в бане было значительно больше, чем требовалось, и все они были как амбразуры — и с виду, и по назначению.

— Подозрительных звуков ночью никто не слышал? — поинтересовался Глеб, когда все собрались за столом.

Мужчины переглянулись: как будто бы нет.

— Вот и я тоже нет. Давайте лопайте быстрее, пора приступать к осмотру.

— Однозначно не бандиты, — час спустя сделал вывод Семен Поликарпов, и Чужинов кивнул.

— Облудки здесь побывали. Одного не пойму: они не ходят парами — всегда поодиночке, а тут создается такое впечатление, как будто их несколько было. Ни разу о подобном не слышал.

Теперь уже кивнул, соглашаясь, Поликарпов.

— И мне не доводилось.

За час они успели внимательнейшим образом исследовать территорию солеварни и ближайшие окрестности, хотя выпавший снег изрядно усложнял поиски. То, что выживших не осталось, стало понятно еще на подходе к солеварне. Предстояло понять другое: подвергся ли кордон сначала нападению бандитов, а уже затем пришли твари, оставив от трупов мелкие осколки костей и окровавленные клочья одежды, или же обошлось без человеческого участия. Труп мертвых тварей обнаружить не удалось. Что в общем-то было понятно: они с не меньшей охотой пожирали друг друга, а по костям поди разбери, кому те принадлежат.

Выяснить обстоятельства гибели людей было важно: если нападение совершили бандиты, значит, произошла запланированная акция. Случайно наткнуться на затерянный в глухих лесах кордон, местонахождение которого к тому же тщательно скрывалось, практически невозможно. Викентьева, когда они доложат ему о случившемся, прежде всего будет интересоваться именно это обстоятельство.

Тут все сложно: если это бандитская акция, значит, кто-то сделал заказ. Например, чтобы устранить конку-

рента: соль — товар востребованный. Стрельба, судя по всему, стояла здесь жаркая: стены носили многочисленные отметины от пуль. И по их расположению можно было сделать вывод, что цели, по которым велась стрельба, находились примерно на высоте половины человеческого роста и ниже. Пожар, вероятно, начался позже, когда оставленный без присмотра огонь в печи перекинулся на дом, а затем и на частокол рядом. И еще: количество оружия примерно соответствовало количеству проживавших здесь людей, то есть облудки не могли пожаловать на звуки стрельбы и покончить разом и с обороняющимися, и с бандитами. К тому же на теле человека, обнаруженном на дереве, не было ран. Совсем молодой парень, почти мальчишка, он оказался там без верхней одежды и обуви и попросту замерз.

— Может, здесь все-таки обычные твари побывали? — предположил Иван Ваксин.

— Может, — пожал плечами Чужинов. — Но очень сомневаюсь. Ты хоть раз слышал, чтобы они в декабре стаями шастали? Вот и я нет.

— Что будем делать? — поинтересовался Ракитин.

И снова Глеб пожал плечами.

— Возвращаться, что же еще? Соли здесь скопилось достаточно, сами видели. Но мы пришли не за ней. Так что лишним грузом обременять себя не станем, быстрее вернемся. Но сегодня, — Чужинов взглянул на высокое солнце, — не отправимся, завтра с рассветом. Посветлу до места ночевки нам уже не успеть. А идти в темноте, когда по лесу, возможно, облудки бродят, сами понимаете, — не резон.

— А сегодня чем займемся? Выспимся хорошенько? — с надеждой в голосе спросил Иван.

Выспаться, конечно, им не помешало бы.

— В «Снегирях» выспимся. Сегодня попробуем восстановить хоть что-то. В частности, выгоревший участок частокола. Не самим, так людям пригодится. И мальчишку похороним, иначе не твари, так лесные звери его сожрут... не по-человечески это.

— И все же, если это были облудки, как они умудрились

попасть внутрь периметра? — Поликарпов задал тот самый вопрос, на который Чужинов страстно желал бы получить ответ. — Явно же пожар начался уже после того, как все и случилось. Ворота закрыты, частокол только в одном месте поврежден. Не летать же они научились? Или как обезьяны лазать?

— Спроси что-нибудь полегче, Семен.

Работали до самой темноты, несколько раз хватаясь за оружие, реагируя на подозрительные звуки. Твари — существа стремительные, всегда лучше перестраховаться.

Баня за день успела выстыть. Но вскоре в печи забилась огонь, закипел чайник, забулькало в кастрюле, и в помещении сразу стало уютно.

— Интересно, как все произошло? — спросил Раки-тин. — У кого какие соображения?

Но все молчали.

Явно трагедия произошла не из-за чьей-то беспечно-сти: пять долгих лет существования тварей научили уце-левших людей многому.

— Глеб, — не унимался Раки-тин, — у тебя опыта побо-лее будет, чем у всех нас. Есть какие-нибудь мысли?

— У Семена опыта несколько не меньше, — возразил Чужинов. — Что же касается мыслей... Где мы больше все-го осколков человеческих костей нашли?

— На выходе из жилого дома, — ответил Поликарпов. — А к чему это ты?

— Да все к тому же. Представьте, что в доме сидели мы. Услышали, что снаружи кто-то есть. И это явно не люди. Наши действия?

— Для начала рассвета бы дождались, — начал рассу-ждать Поликарпов. — В темноте все равно ничего не разгля-деть. Этих убудков-облудков ночью в трех шагах на снегу не разглядеть.

— Хорошо, дождались мы рассвета. Дальше что?

— Дальше все как обычно: через люк на крышу. Он в том доме должен быть. Люк вообще сейчас в каждом доме

есть. Даже здесь, в бане. А уже с крыши каждой твари в за-
гравок, желательно пару-тройку пуль, для надежности.

— Теперь представь: открываешь ты люк, а на крыше
они тебя уже поджидают. Ты вниз, они за тобой, а в поме-
щении черта с два их подстрелишь. У кого-нибудь нервы
не выдержали, он дверь и открыл, чтобы спастись, пока
других в клочья рвали. А там тоже твари. Тогда все объяс-
няется, даже куча костей у входа.

— Как ни крути, при таком раскладе выходит, что твари
все-таки научились лазить. Иначе на крышу им не по-
пасть.

— Считаю, что они продолжают мутировать, — поду-
мав, сказал Глеб. — Суди сам: первые две зимы об облудках
вообще никто не слышал, и лишь на третью они откуда-то
взялись. Поначалу только одиночки попадались, а сейчас,
возможно, они уже стаями ходят. Так почему бы им к тому
же не научиться лазить или прыгать высоко? Подстрелить
бы одну из них, глядишь, все бы и объяснилось.

— Умом понимаю, что, возможно, ты прав, а душой со-
гласиться не могу, — заявил Семен. — Иначе совсем уж
кисло получается. От них же одно спасение было — на де-
рево забраться или за частоколом укрыться. А сейчас...
Были одними, стали другими, так что же с ними еще через
пару лет произойдет? Жуть берет, как только представишь.

— Похлебка готова. — Колдовавший у печи Ваксин по-
ставил кастрюлю на стол. — Прав ты, Семен, действитель-
но жуть берет.

Глава 3 ШАХТЕРСКИЙ ТАЛАНТ

Ближе к утру Чужинова разбудил Ракитин:

— Глеб, проснись, снаружи кто-то есть.

— Уверен?

— Абсолютно! Минут пятнадцать уже слушаю. Что не
люди — точно. Правда, не стану утверждать, будто именно
твари. В одном уверен: там кто-то бродит.

— А что раньше не разбудил?

Лицо Ракитина едва проглядывалось светлым пятном.

— Я поначалу внимания на эти шорохи не обращал, думал, мыши. И чего понапрасну будить? После слышу — скрип снега под самым окном. Вроде и слабый, но точно не от них. Осторожненько так в окно выглядываю, благо что не замерзло, и вроде тень какая-то промелькнула. Да не маленькая такая... как будто человек на четвереньках пробежал. И тут слышу, наверху что-то скрипнуло.

Они переговаривались шепотом, но проснулись и остальные. Семен и Иван, оба, стараясь не шуметь, присоединились к ним.

— Вот снова! Слышите?

И правда: на крыше явно кто-то был. Глеб нащупал рубчатую рукоять «Бердыша» — с автоматом внутри тесного помещения особо не разгуляешься. Негромко лязгнул металл — раз, другой. Это Ваксин с Поликарповым дослали патроны в пистолетах. Следом щелкнул предохранителем оружия и Ракитин.

— Иван, люк надежно закрыл? — все так же шепотом поинтересовался Глеб у Ваксина.

— Ага. Он, кстати, слона выдержит. Думаешь, облудки снова в гости пожаловали?

— Не исключаю.

«А кто еще? Волки? И каким это, интересно, образом им бы удалось перебраться через частокол? Даром, что ли, мы день провозились, чтобы привести его в порядок? Медведь? Какому-нибудь шатуну под силу через него перемахнуть. Но Ракитин утверждает, что их там несколько. Стаю медведей-шатуннов представить сложно, так же, как и рысей. Бандиты пожаловали? Даже Ракитин черта с два бы их за мышей принял. Остаются только облудки».

— Наши действия, Глеб? — Голос Поликарпова казался спокойным. Да он и был таковым. Сколько Сема успел уже увидеть и испытать, чтобы такая ситуация заставила его волноваться.

— Сидим не дергаемся, ждем рассвета. Вы с Иваном на

всякий случай держите люк в потолке под прицелом. И слушаем. Стараемся понять, сколько их.

— А если увижу кого в окошко? Стрельнуть можно? — По голосу Ракитина непонятно было, нервничает он или нет. Простуженный, еще и в нос говорит.

— Увидишь — стреляй. Если будешь уверен, что попадешь в голову. И вот еще что: оденьтесь все, рюкзаки под рукой держите, чтобы в случае необходимости не искать их впопыхах. Но по очереди, по очереди.

Печь с вечера протопили хорошо, и помещение выстудиться не успело. «Но пусть уж лучше будет жарко, чем внезапно оказаться на морозе в одном свитере», — рассуждал Глеб.

В темноте слышалось шуршание одежды. Наконец все стихло.

«Пора и мне», — решил он.

Перекладывая пистолет из одной руки в другую, Глеб натянул на себя парку, напряженно вслушиваясь в звуки снаружи. По-прежнему было темно, лишь слабо светилась зеленым тритиевая точка на мушке пистолета. И тихо. Хотя нет, кое-какие звуки все же раздавались. Шорохи и поскребывание, словно где-то рядом действительно возились мыши. Но, судя по всему, эти мышки таких размеров, что за один укус вполне смогут руку оттяпать. Или даже ногу в лодыжке.

— Может, перекусим, пока суд да дело? — предложил вечно голодный Ваксин. — Опасаюсь, что, когда рассветет, совсем не до этого будет.

— Можно, — согласился Чужин. — Только ты в парилке на полке все приготовь. И свечу не забудь прикрыть так, чтобы света по минимуму было, только-только, лишь бы мимо рта не пронести.

— Это мы что-нибудь придумаем, — сразу же повеселел тот.

— Глеб, подойди, — окликнул занявший место у узкого, похожего на бойницу окна Поликарпов.

Семен уже успел извлечь из него стекло. Береги тепло

не береги — надолго не хватит, а сквозь запотевшее стекло ничего не увидишь.

— Слышишь? — спросил он, когда тот приблизился.

Глеб прислушался. Звуки доносились из-за полусгоревшего сарая. Именно там, где земля оттаяла от близкого пожара, они и похоронили тело, которое им удалось обнаружить. А это значит, кто-то раскапывал могилу.

— Что там у вас? — поинтересовался Ракитин.

Послышались его шаги, следом загрохотала опрокинутая лавка, зазвенело упавшее с нее пустое ведро.

— Следопыт, чтоб тебя! — выругался Семен.

— Да не видно же ни хрена! — начал оправдываться тот. Затем пожаловался: — Больно, черт, голенью приложился.

— Лучше бы головой, — прошипел Поликарпов. — Глядишь, и помогло бы: дурь из нее вышла.

— Да я... — снова начал Ракитин.

Но Глеб прервал обоих:

— Тихо!

Послышался ему шорох под самым окном, но ручаться он не стал бы.

— Чувствуешь что-нибудь, Глеб? — спросил у него Поликарпов.

— Нет.

Была у Чужинова одна особенность: когда твари оказывались неподалеку, у него начинало давить в висках. Почему так происходило, он не знал. Да и никто не знал, хотя этой способностью обладал далеко не он один. Версии ходили разные, но все они не заслуживали большого доверия. Сам же Чужинов склонялся к мысли, что твари, которые из-за строения гортани не способны издавать звуки, все же каким-то образом могли между собой переговариваться. Вот на эти неразличимые для человеческого уха переговоры его височные доли и реагировали. Доказательством такого предположения служило хотя бы то, что на одну тварь его виски никак не отзывались. Но тем не менее факт оставался фактом: его реакция иногда здорово ему помогала. Плохо, что срабатывало это далеко не всегда.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1. «Снегири»</i>	8
<i>Глава 2. Солеварня</i>	20
<i>Глава 3. Шахтерский талант</i>	32
<i>Глава 4. Клюква на бересклете</i>	45
<i>Глава 5. Мальчинский кордон</i>	57
<i>Глава 6. Барсучий жир</i>	67
<i>Глава 7. Парни не промах</i>	74
<i>Глава 8. Штурмовые лестницы</i>	85
<i>Глава 9. Настенная живопись</i>	96
<i>Глава 10. Предложение</i>	103
<i>Глава 11. Старый друг лучше новых двух</i>	114
<i>Глава 12. Мирный</i>	123
<i>Глава 13. Путники неприкаянные</i>	133
<i>Глава 14. Жаркое из кабанятины</i>	144
<i>Глава 15. Гладиаторские бои</i>	152
<i>Глава 16. Маша и подснежники</i>	161
<i>Глава 17. Ночной визит</i>	169
<i>Глава 18. Свадьбы в Малиновке</i>	180
<i>Глава 19. Оружие для космонавтов</i>	190
<i>Глава 20. Happy New Year</i>	198
<i>Глава 21. Взаперти</i>	210
<i>Глава 22. Эльф восьмидесятого уровня</i>	219
<i>Глава 23. Удачи тебе, брат!</i>	228
<i>Глава 24. Одинск</i>	235
<i>Глава 25. Амброзия из тушенки</i>	242
<i>Глава 26. Сектанты</i>	250
<i>Глава 27. Дом с башенками</i>	257
<i>Глава 28. Модульное оружие</i>	266
<i>Глава 29. Особенности рейдовых рюкзаков</i>	274
<i>Глава 30. Горемыки</i>	281
<i>Глава 31. Шишига</i>	291
<i>Глава 32. Солдаты неудачи</i>	300
<i>Эпилог</i>	310